

украинского, русского и белорусского народов. Украинские этнографы и фольклористы должны принять активное участие в написании раздела «Украинцы» для издаваемого Институтом этнографии АН СССР многотомника «Народы мира» и развернуть работу по темам, рекомендованным координационным совещанием. Следует развивать работы по истории этнографии, изучать наследие крупнейших украинских этнографов и фольклористов — акад. Ф. Колессы, К. В. Квитки и других. Совещание призвало этнографов усилить теоретическую работу, смелее выдвигать и решать новые актуальные проблемы, вести непримиримую борьбу против проявлений антимарксистских концепций в этнографии.

Резолюция обязывает этнографов установить связь с работниками краеведческих музеев и оказывать им повседневную помощь, привлекать их к полевой собирательской работе и добиваться возможно более широкого использования этнографических материалов в экспозициях местных краеведческих и исторических музеев. В целях улучшения методологической и методической помощи местным работникам рекомендовано создать при Институте искусствоведения, фольклора и этнографии специальный корреспондентский пункт и издать пособия по собиранию этнографических и фольклорных материалов. Совещание признало необходимым добиваться создания центрального этнографического музея в Киеве.

Совещание отметило недостатки в подготовке этнографических кадров в вузах и приняло решение поставить перед Министерством культуры вопрос о введении курса этнографии во всех гуманитарных вузах и средних педагогических и художественных учебных заведениях.

* * *

Прошедшее во Львове первое украинское этнографическое совещание показало, что на Украине имеются все условия и возможности для широкого развертывания этнографических исследований. Используя имеющиеся на местах кадры и развертывая работу в тесном контакте с этнографами всего Советского Союза и учеными смежных специальностей, украинские этнографы смогут добиться новых больших успехов в общем деле развития советской этнографии и выполнить задачи, поставленные партией и правительством перед советской наукой.

А. С. Куницкий

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДООКТЯБРЬСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Со времени решений ЦК Коммунистической партии по вопросам преподавания истории советская наука достигла больших успехов. Разоблачение вульгаризаторской «школы» Покровского и поворот советских исследователей к изучению конкретной истории народов были чрезвычайно важным этапом в развитии исторической науки во всех национальных республиках, в том числе и в республиках Средней Азии и Казахстана. За годы, прошедшие со времени этих решений, выросли значительные кадры квалифицированных историков, творческую деятельность которых объединили институты истории, археологии и этнографии академий наук союзных республик и филиалы Академии наук СССР, вузы и другие научные учреждения. За эти годы впервые созданы марксистские обобщающие труды по истории народов Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, разрабатывается история народов Туркмении, Киргизии, Кара-Калпакии.

Однако в процессе изучения истории Средней Азии и Казахстана был вскрыт ряд крупных ошибок и недостатков в работах некоторых историков, в частности неправильная оценка отдельных исторических фактов, событий и целых периодов исторического развития. В то же время выявились некоторые разногласия в путях разрешения ряда важных исторических проблем. Все это вызвало необходимость организации широкого обсуждения наиболее актуальных вопросов истории народов Средней Азии и Казахстана.

С 30 января по 6 февраля 1954 г. в Ташкенте проходила объединенная научная сессия, посвященная истории народов Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода. Сессия была организована Академией наук СССР совместно с академиями наук Казахской, Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР и Киргизским филиалом АН СССР. В работе сессии приняли также участие ученые Азербайджана, Башкирской, Дагестанской и Татарской автономных республик и научная общественность г. Ташкента. Наряду с историками, этнографами, археологами, в работу сессии включились экономисты, юристы, философы, языковеды.

На повестке дня сессии стояли вопросы: 1) о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов; 2) о реакционной сущности панисламизма и пантюркизма; 3) о формировании буржуазных наций в Узбекистане и Казахстане; 4) о характере восстания 1916 г.; 5) о периодизации истории народов Средней Азии

и Казахстана. По всем этим темам были заслушаны доклады и развернулась оживленная дискуссия.

С первым докладом «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана» выступил доктор историч. наук Л. П. Потапов (Ин-т этнографии АН СССР). Основные положения доклада сводились к утверждению: 1) что все кочевые народы Средней Азии и Казахстана прошли феодальный путь развития и 2) что основным средством производства при феодализме у кочевников, равно как и у оседлых земледельческих народов, была земля — пастбища, кочевья, а также пахотные угодья на зимовках. Земля была главным, решающим условием для ведения кочевого скотоводства. Существовали феодальная собственность на землю и прикрепление непосредственных производителей — трудовых масс кочевников — к земле.

Привлекая материалы многих источников, докладчик показал генезис кочевого скотоводства и развитие классовых отношений — рабства и феодального строя у кочевников. В докладе нашел освещение важный вопрос о характере общины у кочевников, которая, по утверждению Л. П. Потапова, давно перестала быть родовой, хотя внешне и сохраняла этот характер. Община кочевников (или, как называет ее докладчик, кочевая аудная община) уже с древних времен по своему экономическому содержанию соответствовала сельской общине и давала достаточно простора для развития классовых отношений. В заключение докладчик остановился на сущности понятия «патриархально-феодальные отношения», которые он трактует как раннюю форму феодальных отношений, еще не свободных от патриархально-родовой оболочки, от пережитков патриархальных отношений.

С содокладами выступили кандидаты историч. наук В. Ф. Шахматов (Казахстан) и С. И. Ильясов (Киргизия), противопоставившие положениям основного доклада свои точки зрения.

В. Ф. Шахматов утверждал, что Казахстан к моменту Октябрьской революции не дошел до стадии развитого, как он выразился, «классического» феодализма, а находился на стадии патриархально-феодальных отношений. Патриархально-феодальный экономический базис обусловил то обстоятельство, что в Казахстане сформировалась специфическая патриархально-феодальная политическая надстройка. Он утверждал, что в противоположность районам с развитыми феодальными отношениями в Казахстане скот, а не земля был основным средством производства и средством эксплуатации непосредственного производителя. По мнению В. Ф. Шахматова, в частной собственности находился только скот, а земля была общественной собственностью. С его точки зрения, земля не могла быть главным средством эксплуатации при кочевом образе жизни, так как к ней непосредственно не прилагался труд кочевников-скотоводов. В XIX в., утверждал В. Ф. Шахматов, общинная земля уже захватывалась баем в «частное пользование», но не она, а скот попрежнему являлся средством эксплуатации непосредственного производителя.

С. И. Ильясов, хотя и согласился с Л. П. Потаповым в том, что патриархально-феодальные отношения у кочевников — отношения феодальные, но в основном поддерживал В. Ф. Шахматова, подчеркивая их особую специфику. Признавая главным средством производства скот и пастбища одновременно, С. И. Ильясов средством эксплуатации в кочевых районах все же считает скот, а не землю. Отрицает он и возможность прикрепления крестьян к земле на том основании, что земля (кроме пахотной), по его мнению, до начала XX в. считалась собственностью рода, хотя фактическими владельцами ее и были феодалы.

Позиция, занятая обоими содокладчиками, а также присоединившимся к их основным положениям кандидатом историч. наук С. С. Черниковым (Ленинградское Отделение ИИМК) и кандидатом экономич. наук С. Е. Толыбековым (Казахстан), по существу означала отрицание феодальных отношений у кочевников, утверждение, что кочевникам свойственны свои особые пути развития — какая-то своеобразная «патриархально-феодальная формация», отличная от феодализма у оседлых земледельческих народов.

Доклад и содоклады вызвали оживленную дискуссию. Подавляющее большинство выступавших по этому вопросу согласилось с Л. П. Потаповым и резко критиковало ошибочные взгляды В. Ф. Шахматова, С. И. Ильясова и С. Е. Толыбекова. Научные сотрудники Академии наук Казахской ССР М. Б. Ахинджанов, С. З. Зиманов, Н. Г. Аполлова, А. Е. Еренов и другие привели большой конкретный материал о феодальной земельной собственности у казахов и упрекали В. Ф. Шахматова в сознательном игнорировании источников, свидетельствующих о существовании в Казахстане на протяжении ряда веков феодальной земельной собственности. Считая, что главными средствами производства при феодализме являются земля и скот, причем первое место принадлежит земле, М. Б. Ахинджанов резко выступил против тезиса В. Ф. Шахматова о том, что кочевник не прилагает к земле никакого труда. Указывая, что все колодцы в пустыне построены человеческими руками, выступавший приводил примеры того, сколько сил необходимо потратить на сооружение колодца средней величины. Колодцы, как и зимовки «кстау», являлись очагами феодальной земельной собственности и только «джайлау» — летние пастбища — были общинными.

Кандидат историч. наук А. Б. Турсунбаев (Казахстан) в своем выступлении также приводил примеры того, как труд кочевника прилагается к земле, и доказывал глубоко-

кую классовую дифференциацию кочевой аульной общины дореволюционного Казахстана. Он правильно отметил, что о значении земли как основного средства производства у казахов ярко свидетельствуют, в частности, все мероприятия советской власти в кочевых районах в первые годы после революции; как и в земледельческих районах, эти мероприятия были прежде всего направлены на обеспечение трудящихся масс землей.

Кандидат юридич. наук А. Е. Еренов (АН Каз. ССР) указывал, что ученые, отрицающие наличие в дореволюционном Казахстане развитых феодальных отношений, находятся под влиянием дореволюционных буржуазных историков, считавших, что в Казахстане в конце XIX — начале XX в. существовали родовой строй и общинная собственность на землю; т. Еренов подчеркнул, что царскому правительству была выгодна такая пропаганда, позволявшая ему оправдывать захват казахских земель, выдавая их за «бесхозные». На самом же деле в Казахстане издавна существовала феодальная собственность на землю. О том, что казахские феодалы были собственниками земли, на которой паслись их стада и стояли зимовки, говорят такие факты, как взимание в их пользу пошлины за прогон скота, ежегодное возвращение на одни и те же кочевья, то обстоятельство, что отдельные пастбища носили имя их владельца-феодала, то их жаловали в качестве подарков, давали в калым и т. д. А. Е. Еренов выразил сожаление, что Л. П. Потапов в своем докладе обошел вниманием период XV—XVIII вв., наиболее важный и обильный фактами, подтверждающими наличие развитых феодальных отношений у кочевого населения Казахстана.

Выступивший в прениях доктор историч. наук А. Н. Бернштам (ЛОИИМК) подчеркнул необходимость учитывать теснейшую и постоянную связь кочевников с оседлыми земледельческими районами. Именно отрыв истории кочевых народов от земледельческих привел, по его мнению, гг. Шахматова и Толыбекова к утверждению о своеобразном «патриархально-феодальном» способе производства у кочевников, а тем самым к признанию особой социально-экономической формации, якобы существовавшей у кочевых народов. Отрицающие наличие у кочевников феодальной собственности на землю не оригинальны в своих взглядах, они повторяют старую «теорию» кочевого феодализма, давно уже изжившую себя; историки, в свое время разделявшие ее, отказались от прежних устаревших положений, опровергнутых в ходе развития исторической науки.

Большой интерес вызвало выступление чл.-корр. АН ТССР доктора историч. наук А. Каррыева. Он показал на конкретном фактическом материале, что основой феодальной эксплуатации у полукочевых племен западной Туркмении в XIX в. была собственность на землю — пастбища и колодцы, причем зависимость непосредственных производителей-туркмен от своего «родового старшины» — феодала имела различные формы. Когда массовые наезды скота, происходившие довольно часто, заставляли разорившихся скотоводов переходить к земледелию, это в условиях западной Туркмении оказывалось чрезвычайно трудным, так как все немногочисленные водные источники полностью находились в руках «родовой» (феодальной) знати.

Кандидат историч. наук Т. А. Жданко (Ин-т этнографии АН СССР) посвятила свое выступление сущности патриархально-феодальных отношений у каракалпаков. Она показала, что, начиная с XVII—XVIII вв., исторические и этнографические источники позволяют говорить о господстве феодальных отношений, о глубокой классовой дифференциации в каракалпакской полукочевой аульной общине, несмотря на чрезвычайную устойчивость патриархально-родовых пережитков в социально-экономическом строе и быту каракалпаков. Дальнейшему углублению исследованию каракалпакской земельно-водной аульной общины должно способствовать не только изучение архивных материалов и этнографических источников, но и археологическое исследование оросительной сети каракалпаков и остатков их поселений XVIII в., сохранившихся в бассейне пересохшей реки Жапы-Дарын в северных Кызыл-Кумах. Историко-этнографические источники, в частности исторические предания каракалпаков, отметила Т. А. Жданко, косвенно свидетельствуют о феодальной собственности на землю и у казахских ханов XVII в., которые жаловали каракалпакам определенные территории на условиях выполнения разного рода феодальных повинностей, а в случае нарушения покорности снова отбирали эти земли.

Кандидат историч. наук С. М. Абрамзон (Ин-т этнографии АН СССР) остановился на вопросе о формах семейных отношений в патриархально-феодальном обществе кочевых народов Средней Азии и Казахстана. У кочевников, сказал С. М. Абрамзон, долгое время сохранялась большесемейная патриархальная община, пережитками которой можно считать группы кровных родственников, так называемые «бир атаның балдары» у казахов, «коше» у каракалпаков, «бир ата» у туркмен и т. д. Далее он изложил свой взгляд на генезис земельной собственности в условиях кочевого большесемейной общины.

На конкретном историко-этнографическом материале было построено выступление С. М. Васильева (Башкирская АССР), посвященное вопросу о патриархально-феодальных отношениях у башкир.

Н. Е. Омелин, директор Ин-та экономики АН УзССР, высказал свои возражения докладчику, утверждавшему, что патриархально-феодальные отношения отражают ранний этап в развитии феодализма. По мнению Н. Е. Омелина, они при определенных условиях свойственны и развитому феодальному обществу, что мы и видим у кочевников Средней Азии и Казахстана.

Кандидат экономич. наук В. С. Батраков в своем выступлении подверг резкой критике точку зрения В. Ф. Шахматова и его сторонников. Он подчеркнул, что кочевые народы Средней Азии и Казахстана, несомненно, имели свою историческую специфику, но не настолько значительную, чтобы выделять на этом основании особую ступень социально-экономического развития общества. Кочевое хозяйство следует рассматривать прежде всего как обособившуюся в процессе общественного разделения труда отрасль сельского хозяйства. Многолетние экономические исследования в Средней Азии, сказал он, прочно убедили меня, что кочевые районы нельзя рассматривать изолированно от земледельческих, хотя они и отставали от последних в своем экономическом развитии; кочевники не могли существовать без связей с оазисами. Кочевые народы прошли те же стадии развития феодализма, что и земледельческие, и в те же исторические периоды. Специфика феодальных отношений у кочевых народов состоит в том, что у них на всех стадиях развития феодализма сохранялись родовые связи, традиции, родовые деления и родовой быт. При отсутствии земледельческой оседлости присущая феодализму крепостная зависимость непосредственных производителей от феодалов осуществлялась путем сохранения родовых объединений, возглавленных феодалами. В. С. Батраков, как и многие другие выступавшие, подчеркнул, что преобладание патриархально-феодальных отношений не означает неразвитости феодализма — пережитки патриархальных отношений существовали и в русской деревне.

Кандидат историч. наук И. Я. Златкин (Ин-т востоковедения АН СССР) подытожил выступления по докладу Л. П. Потапова. Он указал, что в ходе дискуссии выявились две точки зрения на сущность патриархально-феодальных отношений у кочевников. Ученые, взгляды которых ведут к утверждению, что патриархально-феодальные отношения есть особая разновидность феодализма, органически присущая лишь кочевым народам и являющаяся непременным условием существования последних, на данной сессии находятся в меньшинстве. Эта точка зрения, нашедшая свое отражение в макете 3-го издания «Истории Казахской ССР», противоречит марксистско-ленинскому учению о пяти общественных формациях и фактам конкретной истории. Она должна быть отвергнута. В основе феодального общества кочевых народов лежит феодальная собственность на землю. Она определяет и все общественные надстройки этих народов.

В заключительном слове на утреннем заседании 1 февраля Л. П. Потапов сказал, что чрезвычайно удовлетворен творческой дискуссией по его докладу, в которой приняло участие около двадцати человек, в своем подавляющем большинстве согласившихся с основными положениями доклада. В. Ф. Шахматов и С. Е. Толыбеков оказались в единичестве, и можно надеяться, что они пересмотрят свои ошибочные взгляды, учитывая критику научной общественности.

Можно считать установленным, что советские историки преодолели «теорию» особого пути развития кочевых народов; этим народам свойственны общие закономерности общественно-экономического развития; основой феодализма у кочевников, как и повсюду, была феодальная собственность на землю, которая реализовалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты.

Участники сессии признали, что сущность патриархально-феодальных отношений феодальная. Патриархально-феодальные отношения существовали как у кочевых, так и у оседлых земледельческих народов. Это — не свойственный только кочевым народам «вариант» феодализма, основой которого является собственность на скот; такое утверждение, по общему мнению, следует считать противоречащим марксистско-ленинскому учению о социально-экономических формациях и конкретным историческим фактам.

В то же время Л. П. Потапов отметил, что прения помогли ему понять два существенных недостатка, имеющих в его докладе: во-первых, недоучет роли земледельческих районов в жизни кочевников и, во-вторых, недостаточно четкое определение термина «патриархально-феодальные» отношения. Этот термин необходимо ограничить в хронологическом смысле. Неточность определения термина ведет к толкованию его как особой «патриархально-феодальной» формации, существовавшей у кочевников.

В заключение Л. П. Потапов отметил, что рост научных кадров историков Средней Азии и активное участие их в работе сессии позволили уже сейчас достигнуть плодотворных результатов в обсуждении сложного вопроса о патриархально-феодальных отношениях у кочевников. Но необходимо в дальнейшем углубить изучение проблемы феодализма у кочевников, приступить к систематической публикации материалов и исследований по этой теме.

С большим интересом был выслушан и обсужден доклад доктора историч. наук Б. Г. Гафурова (Таджикистан) «О реакционной сущности панисламизма и пантюркизма». Докладчик привел большой документальный материал, показывающий, как американский империализм разжигает и поддерживает эти течения в целях порабощения народов стран Ближнего и Среднего Востока, как он использует их для борьбы против Советского Союза. Выступавшие конкретизировали и подкрепляли материалами своих исследований основные положения докладчика. Приводилось много сообщений, свидетельствующих, что панисламизм, пантюркизм и паниранизм представляют отдельные формы проявления идеологии космополитизма и национализма и глубоко враждебны народам Советского и зарубежного Востока. На сессии отмечалось, что историки еще слабо разоблачают реакционную сущность пантюркизма и панисламизма. В ряде работ допускались серьезные ошибки в оценке этих враждебных течений, не разоблачалась и затушевывалась реакционная сущность джадидизма и алашского движения.

Оживленные прения развернулись 2 и 3 февраля по докладам кандидатов историч. наук М. Г. Вахабова (АН Узб. ССР) и А. Н. Нусупбекова (АН Каз. ССР) о формировании узбекской и казахской буржуазных наций. На сессии выявилось наличие двух точек зрения на вопрос о формировании буржуазных наций в Средней Азии. Докладчики доказывали, что с развитием капитализма в Средней Азии и Казахстане после присоединения к России начался процесс складывания буржуазных наций. Однако ввиду того, что в среднеазиатской экономике продолжали господствовать отсталые, докапиталистические, феодальные отношения, процесс сложения узбекской и казахской буржуазных наций до революции не завершился. Защитники другой точки зрения доказывали, что в Казахстане и Узбекистане еще до революции сложились буржуазные нации со всеми отличительными признаками. Большинство выступавших в прениях поддержало основные тезисы докладчиков, однако критиковало их за недостаточно глубокую разработку темы, за схематичность докладов и дополнило заслушанные доклады в некоторых частных вопросах.

Так, действительный член АН Тадж. ССР доктор филологич. наук А. М. Богоутдинов отметил, что хотя процесс складывания узбекского народа в нацию начался со второй половины XIX в., отдельные элементы нации возникали значительно раньше еще в докапиталистический период. Неправ М. Г. Вахабов, сказал А. М. Богоутдинов, и в том, что отождествляет государственные образования дореволюционной Средней Азии (Туркестан, Бухарское, Хивинское ханства) с территориальной общностью народности. Территориальной общности совсем не обязательно должна соответствовать единая государственность. А. М. Богоутдинов согласился с докладчиком в том, что процесс формирования узбеков в буржуазную нацию в дооктябрьский период не завершился.

Кандидат историч. наук С. Б. Башиев (Казахстан) поддержал положение о незавершенности процесса формирования буржуазных наций в Средней Азии и Казахстане в дооктябрьский период. Ученые Казахстана считают, сказал он, что процесс консолидации казахского народа в нацию происходил после Октябрьской революции. Народы Средней Азии и Казахстана не прошли капиталистического пути развития, поэтому те, кто говорит о завершенности процесса образования буржуазных наций до 1917 г. (А. А. Аминов и другие), не только не учитывают конкретно-исторических фактов, но и фактически выступают против положения В. И. Ленина о некапиталистическом пути развития среднеазиатских народов и умаляют роль советской власти в ликвидации их экономической, политической и культурной отсталости.

Кандидат историч. наук О. А. Сухарева (АН УзССР) привела значительный этнографический материал, свидетельствующий о том, что в дооктябрьский период формирование национальной общности узбеков не было еще завершено. Еще в начале XX в. среди узбеков различались две группы, одна из которых называла себя сартами, а другая — узбеками; среди кочевых узбеков были даже племена, не осознавшие себя узбеками (например кипчаки). Все же к началу XX в. определенная общность культуры узбекской народности существовала. В докладе М. Г. Вахабова, сказала О. А. Сухарева, преувеличены локальные различия в формах культуры узбеков. Это расхождение было, но оно явилось следствием неравномерности начавшегося капиталистического развития отдельных районов Туркестана; в тех местностях, куда капиталистические отношения проникали более глубоко, начался процесс разложения старых форм культуры и сложения новых. Как и А. М. Богоутдинов, О. А. Сухарева подчеркнула глубокую историчность отдельных элементов нации и, в частности, общности психического склада, проявляющегося в общности культуры. Выступавшая отметила невнимание обоих докладчиков к разработке этого вопроса. С основными выводами докладчиков О. А. Сухарева вполне согласилась.

Доктор филологич. наук В. В. Решетов (АН УзССР) сообщил об исследованиях филологов по вопросу о развитии общенационального узбекского языка и указал на недостаточное внимание историков к данным языкознания.

Кандидат юридич. наук С. З. Знманов отметил, что многие выступающие путают два различных вопроса — о вызревании элементов нации и о консолидации или оформлении нации. Для дореволюционного Казахстана можно говорить лишь о вызревании элементов буржуазной нации. В силу господства патриархально-феодальных отношений и сохранения устоев феодализма казахская народность не смогла сложиться в буржуазную нацию.

Другую точку зрения отстаивали доктор историч. наук А. А. Аминов, В. К. Сабиров (АН Тадж. ССР), кандидат философских наук Ч. Овезбердыев (АН ТССР), кандидаты историч. наук А. М. Гуревич (Ташкент), А. Ф. Якунин (Москва) и другие. Они стремились доказать, что узбекская и казахская буржуазные нации сложились до Великой Октябрьской социалистической революции, но в силу неразвитости капиталистических отношений в Средней Азии и Казахстане были незрелыми, отсталыми.

Все выступавшие, как сторонники, так и противники точки зрения докладчиков, подчеркивали огромную прогрессивную роль присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Ряд выступавших отмечал также, что и у других народов Средней Азии (например туркмен) начавшийся процесс образования буржуазной нации до революции не был завершен. Участники дискуссии пришли к заключению, что ни в Узбекистане, ни в Казахстане в дооктябрьский период буржуазные нации не могли сложиться, так как ни узбеки, ни казахи не прошли стадии капиталистического развития. Складывавшиеся буржуазные нации у различных народов Средней Азии и Казах-

стана находились на разных ступенях оформления. Участники сессии пришли к общему мнению о необходимости организовать совместную разработку проблемы формирования буржуазных наций историками, этнографами, экономистами, лингвистами и философами.

Наиболее разработанной и подготовленной к обсуждению на сессии оказалась тема «К вопросу о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане». Вслед за обстоятельным докладом кандидата историч. наук Х. Т. Турсунова (АН УзССР) выступил ряд содокладчиков, развивавших теоретические положения основного доклада на хорошо изученном, конкретном историческом материале, относящемся к Казахстану, Киргизии, Туркмении. Выступавшие затем участники сессии согласились с докладчиком в том, что восстание 1916 г. было сложным и в известной мере противоречивым явлением. Это разрозненное, стихийное массовое движение не имело общего для всего края руководства; но в подавляющем большинстве районов оно было направлено против царского самодержавия, местных феодально-байских элементов и имело прогрессивный, революционный, народно-освободительный характер, смыкаясь с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против царизма.

Однако в отдельных районах феодально-клерикальные элементы, связанные с германо-турецкой агентурой, превращали восстание в антирусское реакционное движение. Такой характер приняло восстание в некоторых волостях на юге Семиречья, частично — в Джизакском уезде, а также в Туркмении — на Гургене и Теджене.

Никакой поддержки на сессии не получили единичные выступления (Т. Н. Колесниковой и А. П. Савицкого), в которых делались попытки все восстание 1916 г. огульню объявить реакционным, антинародным, спровоцированным враждебными России империалистическими державами; участники сессии признали эту точку зрения ошибочной, противоречащей историческим фактам и принижающей роль народных масс Средней Азии и Казахстана в истории революционного движения.

Оживленную дискуссию вызвал доклад чл.-корр. АН Тадж. ССР И. С. Брагинского (Ин-т востоковедения АН СССР) «Периодизация истории народов Средней Азии в досоветскую эпоху». Говоря о методологическом значении правильной периодизации многовековой истории Средней Азии, докладчик охарактеризовал субъективизм, произвольность, расистские измышления, пронизывающие исследования буржуазных авторов в этой области: деление ими истории народов Средней Азии на «эпохи» ахеменидов, сасанидов, мусульманских династий; проповедь «универсального» феодализма и т. п. Далее докладчик осветил достижения советской науки в разработке марксистской периодизации истории Средней Азии, указав, однако, что и в настоящее время эта разработка не вполне завершена: существует ряд сложных вопросов, касающихся истории смены общественно-экономических формаций в Средней Азии в целом и своеобразия исторического процесса у отдельных народов в те или другие эпохи. Поставив задачей своего доклада уточнить основные вехи периодизации дооктябрьской истории народов Средней Азии, И. С. Брагинский предложил принять деление всего исторического процесса в Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции на четыре эпохи: I — эпоха первобытно-общинного строя и его разложения (заканчивается в начале I тысячелетия до н. э.); II — эпоха рабства (конец I тысячелетия до н. э. — V—VI вв. н. э.); III — эпоха феодализма: а) период возникновения феодализма (VI—IX вв.); б) период развитого феодализма (IX—XV вв.); в) период упадка феодализма (XV—XIX вв.); IV — присоединение Средней Азии к России и период после присоединения к России.

Характеризуя особенности IV этапа истории Средней Азии, докладчик отметил, что прогрессивные последствия присоединения к России сказались прежде всего в зрелании, вопреки колониальной политике царизма, элементов капитализма в недрах феодального общества Средней Азии.

Период конца XIX — начала XX в. И. С. Брагинский в соответствии с общепринятой периодизацией истории СССР разделил на этапы промышленного капитализма и империализма; в течение этого периода законы экономического развития привели к возникновению кадров местных рабочих, формировавшихся под влиянием русского пролетариата; сложились местные коммунистические организации; нарастала революционная ситуация, характерная для всей России начала XX в.

После И. С. Брагинского выступили содокладчики, сообщившие о разработанной на местах, с учетом своеобразия исторического развития отдельных народов, периодизации истории Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Туркмении.

Чл.-корр. АН УзССР Р. Н. Набиев в своем содокладе указал, что при нынешнем состоянии исторической науки, несмотря на все ее достижения, мы еще вынуждены решать многие вопросы периодизации истории Средней Азии лишь в общих чертах; для серьезной постановки этой важной проблемы необходимо в первую очередь углубить и расширить исследования в области социально-экономических отношений древности, средневековья и нового времени. Остановившись на особенностях отдельных периодов истории узбекского народа, Р. Н. Набиев отметил как важное достижение признание всеми того, что Средняя Азия прошла в своем развитии рабовладельческую формацию. Работы советских археологов дали убедительный материал, неопровержимо доказывающий господство рабовладельческого строя в Хорезме, Бактрии, Согде с VII в. до н. э. и до V в. н. э.; лишь весьма немногие специалисты теперь сомневаются в этом или вопреки историческим фактам пытаются оспаривать это положение.

Возникновение рабовладельческого строя в земледельческих оазисах Средней Азии относится ко времени, предшествовавшему завоеваниям ахеменидов (VI в. до н. э.), и неверно связывать истоки этого социально-экономического процесса лишь с вхождением древних среднеазиатских государств в состав рабовладельческого ахеменидского Ирана.

Важные уточнения внесены историками Узбекистана за последние годы в освещение эпохи феодализма. Признано, что начало этой эпохи следует относить не к XI, а к VI—VII вв. Начиная с этого времени, археологические и исторические источники уже свидетельствуют о крупных сдвигах в социально-экономической жизни населения Средней Азии; хозяйственное развитие отмечается совершенствованием ирригации, изобретением водоподъемных сооружений. Меняется тип сельских поселений, в которых господствующее место стали занимать сильно укрепленные замки земельной аристократии, возведенные в головах каналов. В лице декхан, захватывающих общинные земли и распространяющих власть на кедиверов — все более зависимых от них общинников, появляется и растет класс феодалов. Завоевание Средней Азии арабами ни в какой мере не внесло прогресса в экономику и общественный строй местного населения; наоборот, в период арабского халифата тормозился процесс внутреннего развития, консервировались наиболее ранние формы феодальных отношений и прочно сохранялся рабовладельческий уклад.

Перейдя затем к характеристике более поздних этапов развития феодализма в Узбекистане, Р. Н. Набиев подчеркнул ошибочность распространенного представления о начале «упадка феодализма» в XVI в. Неверно, прежде всего, рассматривать падение уровня сельского хозяйства, ремесла и культуры только как следствие завоевания Средней Азии шейбанидами и прихода в оазисы значительных масс кочевников. Следует учитывать и внутренние причины этого упадка, начавшегося значительно раньше, еще во второй половине XV в., когда в большей части распавшихся владений тимуридов стала господствовать реакция, возглавленная дервишским орденом Накшбанди. Р. Н. Набиев не согласился с И. С. Брагинским в оценке периода XV — середины XIX в. как времени «упадка феодализма». По его мнению, данные о разложении феодальной формации для этого периода отсутствуют. О разложении феодализма в Средней Азии можно говорить лишь со времени присоединения ее к России, когда здесь стали появляться зачатки капиталистических отношений.

С докладом от Киргизского филиала АН СССР выступил кандидат историч. наук А. К. Кибиров.

В содокладе представителей АН Каз.ССР кандидатов историч. наук С. Н. Покровского и Г. Ф. Дахшлейгера подчеркивалась значительная специфичность исторического процесса в Казахстане. Приняв критические замечания выступавших на сессии по поводу недостаточной увязки истории Казахстана с историей Средней Азии в целом, докладчики доказывали, что исторические данные не позволяют говорить о рабовладельческой стадии в истории кочевников — предков казахского народа, и защищали тезис о развитии на территории Казахстана уже с первых веков нашей эры феодальных отношений, существовавших тогда якобы в неразвитой, ранней форме патриархально-феодальных, а с VI в. сложившихся в феодальную социально-экономическую формацию.

Выступивший с докладом о периодизации истории Туркмении кандидат историч. наук А. А. Росляков (Ашхабад) остановился, в частности, на расхождениях, существующих между историками Казахстана и Киргизии, с одной стороны, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, с другой, в вопросах периодизации рабовладельческой и отчасти феодальной формации. По его мнению, нет данных для возражений против тезиса историков Казахстана о миновании народами степных областей Средней Азии рабовладельческой формации; несомненно, что этот этап общественного развития прошли народы земледельческих областей Согда, Бактрии, Хорезма, Маргианы, Парфии, но у отсталых полуседлых и кочевых племен степных областей процесс разложения первобытно-общинного строя был замедлен и продолжался до середины I тысячелетия н. э., до возникновения феодальных отношений. Эти народы знали рабство, но можно полагать, что оно существовало у них лишь как уклад, не развившись вследствие низкого уровня производительных сил в господствующую форму социально-экономического строя. Как полагает А. А. Росляков, кочевые племена древней Туркмении, как и предки казахов, миновали стадию рабовладельческого строя. Признав правомерным это положение историков Казахстана, А. А. Росляков в то же время выступил категорически против другого тезиса — о возникновении феодальных отношений у кочевников в первых веках н. э., т. е. значительно ранее, чем в земледельческих оазисах Средней Азии. VII в. до н. э.— V в. н. э., период разложения первобытно-общинного строя, нельзя назвать временем патриархально-феодальных отношений; этот термин лучше вообще убрать из периодизации и применять его лишь при конкретных описаниях общественного строя отсталых народностей, у которых феодальные отношения еще в XIX — начале XX в. были отягощены множеством родовых пережитков.

Остановившись затем на вопросе об особенностях феодальной формации у кочевых и оседлых народов Средней Азии, А. А. Росляков полностью присоединился к мнению Л. П. Потапова и большинства выступавших по его докладу. А. А. Росляков отметил, что и в эту эпоху какая-либо особая специфика исторического процесса в Казахстане

отсутствовала; феодальную формацию прошли и оседлые, и кочевые народы Средней Азии, причем и у тех, и у других существовала феодальная собственность на землю.

В прениях выступило большое число участников сессии. Выступавшие высказывались большей частью по отдельным периодам истории, дополняя доклады или возражая докладчикам на основании нового конкретного материала.

Кандидат историч. наук И. Э. Воронец (Ташкент) остановился на периодизации первобытно-общинного строя. Освещению рабовладельческого строя в Средней Азии были посвящены выступления археологов Узбекистана — М. Е. Массона, Я. Г. Гулямова, а также М. М. Дьяконова (ИИМК АН СССР).

Доктор историч. наук Я. Г. Гулямов, опираясь на обширный археологический материал (в первую очередь на данные по ирригации, городским поселениям и ремеслу), осветил характерные особенности трех периодов развития рабовладельческой формации в Средней Азии (периоды ее возникновения, расцвета и разложения). Не удовлетворенный разделом основного доклада о переходном периоде от рабовладельческого строя к феодализму, Я. Г. Гулямов привел убедительные исторические примеры, свидетельствующие о развитии производительных сил (техники земледелия, водопользования и др.) в V—VI вв., повлекшем за собой смену социально-экономических формаций.

Доктор историч. наук М. Е. Массон сообщил о работах возглавляемой им Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции в области изучения рабовладельческого общества в древней Парфии. Собранные экспедицией новые данные, сказал он, «позволяют видеть в Парфянской державе централизованное военнобюрократическое рабовладельческое государство». Находки древних согдийских, хорезмийских документов, а также парфянского хозяйственного архива I в. до н. э. (до 1500 остраконов с текстом) позволяют надеяться, что путем археологических раскопок будут выявлены и новые письменные источники, которые более конкретно осветят вопрос о рабовладельческом обществе в Средней Азии.

Доктор историч. наук М. М. Дьяконов в своем выступлении подчеркнул, что теперь уже нельзя отрицать существования в Средней Азии и Казахстане этапа, характеризующегося господством рабовладельческого способа производства, причем следует говорить именно об эпохе господства рабовладельческой формации, а не о сосуществовании рабовладельческого уклада наряду с другими, как это утверждал в своем докладе И. С. Брагинский. Исторический и археологический материал, относящийся ко времени еще до середины I тысячелетия до н. э., говорит об уровне производительных сил, соответствующем рабовладельческому строю. Что касается районов с преобладанием кочевого скотоводства, то не следует забывать, что кочевники проникли во все поры среднеазиатского общества. Кочевники и оседлые земледельцы — это не два обособленных и противопоставленных друг другу мира, это — единый мир. Только понимание сложного взаимодействия кочевников и оседлых земледельцев даст возможность разобраться в проблемах среднеазиатской древности. При господстве рабовладельческого строя существовали разные уклады: так, у многих отставших в своем развитии кочевых или горных племен долгое время господствовал медленно распадающийся общинно-родовой уклад.

Отметив, что С. С. Черников дает слишком раннюю датировку (первые века н. э.) становления феодальных отношений у кочевников, а А. А. Росляков пытается искусственно оторвать в периодизации истории Туркмении кочевое население от земледельческого, М. М. Дьяконов остановился на вопросе о роли общины в эпоху господства рабовладельческого строя. На широком историческом фоне, приводя сопоставления из истории древней Греции и Рима, он доказывал, что большая роль свободных общин в общественно-экономической жизни свойственна рабовладельческому строю и что последний вовсе не характеризуется численным преобладанием рабов над общинниками, как полагают, повидимому, некоторые историки Средней Азии, в том числе и докладчик И. С. Брагинский.

Неправильно считать строй древней Средней Азии «общинно-рабовладельческим» или «патриархально-рабовладельческим» — это рабовладельческий строй, лишь с местными особенностями. В основном рабовладельческий строй Средней Азии не отличается от рабовладельческого строя в других странах древнего мира, заключил М. М. Дьяконов.

Ряд выступлений был посвящен периоду развитого феодализма. Кандидат историч. наук Т. Кадырова (АН УзССР) поделилась итогами исследования некоторых феодальных институтов, проводившегося ею по первоисточникам X—XI вв.; ей удалось уточнить значение пожалований «икта», выявить сущность другого, более распространенного вида феодальных пожалований — «ат-тумат», изучить разные виды налоговых льгот феодалам — «ат-тасви», «ал-ийгар», а также форму коммемдации, называемую «ат-тильпаа».

Кандидат историч. наук Е. А. Давидович (АН Тадж.ССР) высказалась по вопросу о времени становления феодализма в Средней Азии, приводя в дополнение к докладу И. С. Брагинского веские доказательства в пользу датировки начала этой эпохи не XI в., а более ранним временем. Анализируя источники, характеризующие социально-экономический строй государства саманидов (IX—XI вв.), Е. А. Давидович обнаружила, что, хотя пожалования «икта» в это время были еще мало распространены, это не означает слабого развития феодализма. Преобладала над «икта» до сих пор не

изученная, возникшая значительно раньше форма пожалований целых областей членам династии или крупным гражданским и военным чиновникам; владельцы в этих случаях выступали как наместники, имевшие не только право взимать часть доходов в свою пользу, но и целый ряд других прав и привилегий, вплоть до чеканки монеты от своего имени. IX—X вв., по мнению Е. А. Давидович, безусловно следует считать временем не раннего, а уже вполне сложившегося феодализма.

О более поздних этапах развития феодализма высказалось несколько участников сессии. Кандидат историч. наук Б. А. Литвинский (АН ТаджССР) говорил о необходимости тщательного изучения вопросов городской жизни, денежной торговли средневековой Средней Азии и нумизматического материала как важнейшего источника для истории социально-экономической жизни страны. Доктор историч. наук О. Д. Чехович (АН УзССР), исследователь документальных материалов позднесредневековой Средней Азии, обобщила данные источников XVI—XVII вв. о городах, ремеслах, земельных отношениях и ирригации; она констатировала значительный рост в этот период феодальной собственности на землю в форме «мульки-хурри-халис» — обширных латифундий, передававшихся ханами из фонда государственных земель отдельным духовным и светским феодалам за деньги или иное возмещение. Следует отметить, что О. Д. Чехович односторонне осветила экономическую и культурную жизнь Средней Азии в XVI—XVII вв., подчеркивая в ней отдельные явления роста и развития и умолчав о явлениях чрезвычайно сильного общего упадка, начавшегося с XV в.

Особый интерес для этнографов представляют высказывания, относящиеся к позднему феодализму — к периоду, предшествовавшему присоединению Средней Азии к России. Для этого времени этнографический материал становится особенно важным источником и может играть большую роль в исследованиях, хотя, к сожалению, до настоящего времени он чрезвычайно мало использовался историками.

Как выяснилось из прений, наиболее спорным и неисследованным является вопрос о кризисе XVIII в. и оценке уровня социально-экономического развития среднеазиатских ханств в первой половине XIX в. Кандидат историч. наук В. А. Шишкин (АН УзССР) придерживается мнения о постепенном нарастании экономического кризиса с XV до XVIII в., когда он достиг апогея. Однако, по его мнению, нет данных для рассматривания первой половины XIX в. как времени углубления кризиса, что утверждал И. С. Брагинский. Объективно консолидация политической власти в трех ханствах — Бухарском, Хивинском и Кокандском, — хотя и не полная, все же способствовала определенному оживлению хозяйственной и культурной жизни страны.

Кандидат историч. наук В. Я. Непомнин (АН УзССР) не согласился с точкой зрения, отраженной как в докладе И. С. Брагинского, так и в «Истории народов Узбекистана» и «Истории таджикского народа», — о длительном периоде упадка феодализма на протяжении XVI—XVIII вв. В течение многовековой эпохи феодализма неоднократно наблюдаются временные периоды хозяйственного упадка и подъема. Хозяйственная и политическая разруха, столь обострившаяся в XVIII в., могла быть вызвана закономерным экономическим процессом развития феодальной собственности, ростом таких категорий землевладения, как «мульки-хурри-халис». Развивались и разнообразные формы условного землевладения (например «танхо»). Рост экономической мощи феодальной знати усиливал ее сепаратистские тенденции, что ослабляло центральную власть; однако об упадке, разложении феодализма речи быть не может, этот тезис нуждается в пересмотре.

Остановившись далее на периоде истории Средней Азии после присоединения ее к России, В. Я. Непомнин обратил внимание на то обстоятельство, что в докладе И. С. Брагинского, как, впрочем, и во многих работах последнего времени, недостаточно учитываются положения В. И. Ленина и И. В. Сталина о реакционной сущности царизма и его угнетательской колониальной политики, об особенностях русского военно-феодального империализма, оплетенного густой сетью докапиталистических отношений, царизма, бывшего средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат. Между тем, не учитывая этого обстоятельства, нельзя понять своеобразие социально-экономического развития колониальной Средней Азии, нельзя понять, на какой основе развивалось национально-освободительное движение. В то же время рассмотрение того положения, что царизм был злейшим врагом всех народов России и в том числе русского народа, еще убедительнее показывает величайшее прогрессивное влияние революционной, народной России и роль самого революционного в мире русского пролетариата в сплочении всех угнетенных царизмом национальностей для борьбы с самодержавием. Задачи историков состоят в том, чтобы правильно понять диалектику, своеобразие того процесса, который связан с присоединением к России нерусских народов, в том числе народов Средней Азии.

Помимо историков, в прениях по вопросу периодизации Средней Азии приняли участие и специалисты смежных наук — экономисты (К. М. Мирзаев), языковеды (Ф. К. Камалов), искусствоведы (Г. А. Пугаченкова).

Обобщающий характер имело выступление чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова (Ин-т этнографии АН СССР). По его мнению, И. С. Брагинский преувеличил дискуссионность периодизации истории Средней Азии; на современном уровне развития исторической науки уже перестал быть дискуссионным ряд вопросов: о существовании рабовладельческой формации в Средней Азии, о датировке начала феодальной эпохи и многие другие, еще недавно плохо изученные спорные вопросы и проблемы.

С. П. Толстов считает наименее разработанной в настоящее время историю первобытно-общинного строя в Средней Азии. Между тем изучение этой формации, сказал он, чрезвычайно важно: она охватывает огромный исторический период, в течение которого начинают развиваться почти все явления, накладывающие свой отпечаток на историческое развитие народа в последующие эпохи. Необходимо значительно усилить археологические поиски и исследования памятников первобытного общества на территории Средней Азии.

Второй, пока еще плохо разработанный, вопрос древней истории Средней Азии касается рабовладельческого строя у кочевников. Нарративные и археологические источники дают обильные сведения о рабстве у кочевников, в частности у скифов. Самое появление кочевого скотоводства связано с первым значительным общественным разделением труда; без потребляющих земледельческих районов оно не может существовать. В отдаленных глубинных районах хозяйство всегда имеет комплексный характер, и скотоводство сочетается здесь с примитивным земледелием, рыболовством, охотой.

Социальная верхушка общества кочевников неизбежно втягивается в рабовладельческие отношения, становится частью класса рабовладельцев. Нельзя поэтому согласиться с историками, утверждающими, что Казахстан миновал рабовладельческую стадию развития. Нельзя сравнивать кочевников среднеазиатских степей с германцами, славянами — народами лесной полосы с земледельческим или комплексным хозяйством, сравнительно слабо связанными с античным миром. Кочевники проникали во все поры античного общества Средней Азии, и с другой стороны — в глубь их территории далеко внедрялась городская и земледельческая культура рабовладельческой Средней Азии. Об этом убедительно говорят многочисленные археологические памятники на территории степей Казахстана. Но для более углубленной разработки вопроса необходимы дополнительные факты о жизни кочевников Средней Азии и Казахстана, в особенности нужен массовый материал по курганам и археологическое изучение кочевых и полуседлых поселений.

Вторую часть своего выступления С. П. Толстов посвятил основным спорным вопросам феодального строя в Средней Азии и Казахстане, в частности — периодизации эпохи феодализма. Не соглашаясь с тезисом И. С. Брагинского о «двух путях развития феодализма в Средней Азии», С. П. Толстов полагает, что в данном случае следует говорить лишь о двух этапах, двух закономерных стадиях развития раннего феодализма: о периоде VI — первой половины IX в., с доминированием мелких городских царств и их конфедераций при номинальной зависимости народов Средней Азии от крупных примитивно-феодальных империй кочевников — тюркского каганата и арабского халифата, и о следующем периоде IX—X вв., для которого характерна относительная политическая централизация, образование раннефеодальной империи во главе с декханской династией саманидов.

Согласившись с мнением о том, что пора историкам Средней Азии показать без прикрас действительную, крайне отрицательную для всей страны роль кровавой диктатуры Тимура, С. П. Толстов остановился на освещении последнего периода феодализма XV—XIX вв., который он считает крайне слабо изученным, несмотря на обилие источников. Огромные рукописные архивы почти не тронуты, сказал он, но наряду с исследованием нарративов необходимо широко развернуть археологические работы по изучению позднесредневековых памятников — укреплений, поселений, городов, ирригации. Хорезмская экспедиция начала такую работу, и она оказывается весьма плодотворной (раскопки Куны-Ургенча, изучение ирригации Сарыкамышла).

Весь период XV—XIX вв. характеризуется длительным хозяйственным и культурным упадком, причины которого не выявлены. Лишь в конце XVIII — первой половине XIX в. намечаются незначительные прогрессивные изменения в феодальной экономике и культуре Средней Азии, вызванные провинциальной централизацией вокруг Бухары, Хивы и Коканда и в особенности ростом экономических связей ханств с Россией. Нельзя забывать, что присоединение Средней Азии к России было не одновременным актом, а имело длительную историческую подготовку — уже с XVII в. Россия играла большую роль в хозяйственной жизни ханств. Рост города Ташкента и самое возникновение Кокандского ханства в значительной степени были обусловлены именно ролью среднеазиатских районов и Ферганы в экономических связях с Россией.

Сессия приняла развернутое решение, в котором подытожила теоретические результаты обсуждения докладов и признала необходимым сосредоточить внимание научных коллективов историков на разработке основных исторических проблем, уделив особое внимание истории экономического развития Средней Азии и Казахстана, выяснению роли народных масс в истории, глубокому раскрытию прогрессивного значения присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Сессия рекомендовала институтам Академии наук СССР и академиям наук союзных республик организовать публикацию восточных рукописей и архивных документов и предусмотреть дальнейшую совместную разработку общих проблем и совместное издание научных трудов.